3.2.2. Решение острых социальных проблем

Вряд ли можно согласиться с высказанным М.Я. Гефтером предположением, что «Хрущеву было чуждо полицейское государство благоденствия, какое для Берии (и Маленкова?) являлось единственной заменой сталинскому тоталитаризму»{1552}. Взгляд на социальную политику в первое послесталинское десятилетие заставляет усомниться в этой гипотезе.

Да, действительно, через все хитросплетения правительственного курса можно штрих-пунктиром нанести линию освобождения человека из-под плотной опеки государственной системы. Указом «Об отмене запрещения аборт» от 25 ноября 1955 г. женщине снова было позволено сознательно решать вопрос о деторождении и материнстве. Опять разрешили браки с иностранцами. Было позволено целевыми группами выезжать за границу. Наконец, и это самое важное, работников открепили от предприятий, произошла тихая отмена крепостного права в промышленности. Рабочие и служащие получили право менять место работы по своему усмотрению, предупредив администрацию за две недели до ухода{1553}.

Однако, вопреки распространенному мнению, до недавних пор разделявшимся и автором, сельское население не было уравнено с городским в правовом отношении. По закону

колхозники оставались беспаспортными. Другое дело, что на практике они теперь стали пользоваться большей свободой передвижения. Паспорт можно было получить только с разрешения правления колхоза и сельсовета. Но острая нужда в дешевой рабочей силе в промышленности, строительстве, транспорте и торговле, особенно в необжитых районах, способствовала тому, что милиция сквозь пальцы смотрела, как самовольно ушедшие из деревни люди устраиваются на временную работу, выдавая им разрешение на временную прописку, а затем также и паспорта.

Одной рукой «даруя» права, власти другой рукой пытались их ущемить, существенно ограничить. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью», например, обязывал выпускников 11-летней школы перед поступлением в вуз заработать двухлетний трудовой стаж.

Уголовное законодательство по-прежнему считало преступления против социалистической собственности более тяжкими, чем преступления против личной собственности. Закон о государственных преступлениях от 25 декабря 1958 г., заменивший собой печально известные статьи 58 и 59 старого уголовного кодекса, продолжал квалифицировать как особо опасные преступления не только вредительство, диверсии, террористический акт, шпионаж, но и измену родине, антисоветскую агитацию и участие в антисоветской организации.

Как верно заметил О.Л. Лейбович, расширение личных прав происходило «естественным путем, если под последним понимать движение от прецедента к массовому явлению, спустя какое-то время становившемуся нормой повседневного поведения»{1554}. Однако власть оставляла за собой возможность в любой момент наказать ослушника в острастку другим, предав, например, суду нарушителя паспортного режима, вернув документы из приемной комиссии вуза, наложив взыскание на администратора.

Существовали зоны общественной жизни, где власть не только не признавала никаких дополнительных прав граждан, но и, начиная с конца 50-х годов, пыталась отнять и те, что были. Так было в экономической сфере и в сфере духовной, религиозной, о чем будет еще идти речь впереди.

Однако было бы несправедливым сводить всю социальную политику, инициированную Хрущевым, к запретам и ограничениям. Само видение им противостояния социализма с капитализмом толкало его к тому, чтобы превратить советское общество в более привлекательное и для собственных граждан, и для окружающего мира. Другое дело, что средства, которые им для этого применялись, были или не совсем адекватны поставленной цели, или ограничены в силу целого ряда обстоятельств.

Хотя власти довольно много говорили о кардинальном отличии социалистического общества от капиталистического – отсутствии эксплуатации, на самом-то деле эксплуатация существовала. Причем уровень ее был отнюдь не меньшим, если не большим. Об этом свидетельствует и то, что доля заработной платы в стоимости продукта в 50-е годы уменьшилась и, по оценке А. Зайченко, составила в 1960 г. 37,7%{1555}. Правда, сама эта зарплата не оставалась на месте, а возрастала. Если в 1953 году среднемесячная номинальная зарплата рабочих и служащих составляла 679 рублей, то в 1964 г. – 987 рублей (98 рублей 70 копеек в новом исчислении), то есть едва ли на половину{1556}. И главным ограничителем ее роста было не нежелание руководителей, а соображения совершенно другого порядка, низкий уровень предложения товаров и услуг. А этот низкий уровень, в свою очередь, был предопределен политикой преимущественного развития промышленности группы «А» и ограничения экономической инициативы субъектов народного хозяйства, будь то государственное предприятие, колхоз, кооператив, а тем более частник.

И все же, благодаря возросшим заработкам люди получили возможность улучшить свое питание. На него по-прежнему уходит 40% семейного бюджета пермского промышленного рабочего, что соответствует стандартам потребления малообеспеченных слоев. Но сама структура питания за 10 лет улучшилась: потребление мяса выросло на 70%, масла на 34%, рыбы на 29%. Правда, потребление жиров и белков животного происхождения оставалось гораздо ниже нормы (66% и 54% соответственно). Даже хлеб и картофель люди ели меньше, чем нужно{1557}.

Улучшать условия жизни советских людей по всем параметрам власть не имела

возможности. Поэтому она выбирала те секторы социальной жизни, где положение признавалось наиболее вопиющим, и предпринимала довольно решительные шаги для его исправления. Так, Хрущевым была инициирована и стала реализовываться крупномасштабная программа жилищного строительства.

Резко увеличить государственные ассигнования на это дело позволило сокращение численности вооруженных сил на 1,2 млн. чел., проведенное в середине 50-х годов. На декабрьском пленуме ЦК КПСС решили пересмотреть и контрольные цифры 6-го пятилетнего плана. За 9 лет (с 1956 по 1964 г.) было построено 767 млн. кв. м жилья{1558}. Такого размаха жилищного строительства страна прежде не знала. В 1957 г. законодательно было определено, что нормальным жильем для семьи должна являться отдельная квартира. Началось массовое переселение горожан из коммунальных квартир с общими для нескольких семей кухней и туалетом, а также из бараков и сараев в индивидуальные квартиры со всеми удобствами.

Число людей, улучшивших свои жилищные условия{1559}

1950 г. – 5,3 млн.
1952 г. – 5,4 млн.
1954 г. – 6,5 млн.
1956 г. – 7,8 млн.
1957 г. – 10,1 млн.
1958 г. – 11,5 млн.
1959 г. – 12,6 млн.
1960 г. – 12,0 млн.
1961 г. – 11,3 млн.
1962 г. – 11,2 млн.
1963 г. – 11,0 млн.
1964 г. – 10,3 млн.

Жилищно-бытовые условия советских людей существенно улучшались и за счет газификации и теплофикации домов. Число газифицированных квартир с 2 млн. в 1958 г. (в основном в Москве) увеличилось до 10,4 млн{1560}.

Большое социально-политическое значение имело сокращение продолжительности рабочего дня и рабочей недели у рабочих и служащих. Указом от 8 марта 1956 г. на один час сокращался рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни{1561}. До конца 1960 г. рабочий день вновь сократился с 8 до 7 часов, как это было до войны. В результате рабочая неделя сократилась с 42 до 41 часа. Затем был осуществлен переход на 5-дневную рабочую неделю с 8-часовым рабочим днем и двумя выходными. Юридически продолжительность рабочей недели при этом осталась прежней (41 час), но фактически она стала 40-часовой. Администрация по согласованию с профсоюзом могла восполнить эту разницу, сокращая время обеденного перерыва или смещая графики сменности. Но чаще всего она прибегала к практике так называемых «черных суббот» в конце квартала или года{1562}.

XXI съезд КПСС принял решение о постепенной отмене налогов с населения. 7 мая 1960 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих».

Он начал проводиться в жизнь путем постепенного повышения необлагаемого минимума налогов (до 60 рублей) и уменьшения налога с низкой зарплаты{1563}. Этот акт стал сразу же темой шумной пропагандистской кампании. Правда, через два года выяснилось, что обещание отменить налоги вообще сделано было без должных оснований.

В 1956 г. был принят новый закон о пенсиях, распространивший гарантии на материальное обеспечение в старости фактически на всех рабочих и служащих, занятых в государственном секторе экономики. Для них был установлен самый низкий в мире возрастной порог ухода на пенсию (60 лет для мужчин и 55 для женщин), увеличен размер пенсий, что привело впоследствии к резкому увеличению количества пенсионеров. Уже в 1960 г. их насчитывалось 20 миллионов, причем размеры пенсионного пособия каждого из них были в 5 раз выше, чем в довоенном 1940 г.{1564}

Развивалась и конкретизировалась линия сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС на повышение материальной заинтересованности колхозников и других сельских жителей в производстве сельскохозяйственной продукции. Постановлением от 6 марта 1956 г. вводилось ежемесячное денежное авансирование труда колхозников. Если раньше колхоз расплачивался с ними раз в год и только после того, как выполнял все свои обязательства перед государством и расплачивался с МТС, то теперь общие собрания колхозников получили право принимать решения о выдаче авансом на трудодни не менее 25% всех получаемых денежных доходов и 50% всех авансов, получаемых в счет обязательных поставок, закупок и контрактации. В свою очередь 50% стоимости зерна, масличных культур, картофеля, овощей и мяса, подлежащих сдаче государству в качестве обязательных поставок, должно было быть оплачено колхозам по их требованию в качестве аванса. Эти деньги начислялись на особый текущий счет в банке и могли расходоваться правлением только для расчетов с членами артели{1565}. 4 июля 1957 г., то есть через несколько дней после исключения из правительства и ЦК Маленкова, с именем которого многие связывали сокращение в 1953 г. сельскохозяйственного налога в два раза, приусадебные хозяйства колхозников, рабочих и служащих вообще были освобождены от обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов. Год спустя одновременно с ликвидацией МТС и отменой натуроплаты за их работу от обязательных поставок были освобождены и колхозы, были утверждены также новый порядок, цены и условия заготовки сельскохозяйственных продуктов{1566}. В июле 1964 г. на колхозников было распространено и пенсионное законодательство.

С 1958 г. государство прекратило выпуск внутренних займов, подписка на облигации которого в размере не менее месячного заработка была фактически принудительной. Но и одновременно отсрочило на 20 лет выплату по всем своим прежним обязательствам. Отмена новых займов приветствовалась всеми. А вот по поводу отсрочки выплат по старым, хотя всюду и принимались резолюции одобрения, многие были разочарованы, посчитав, что их обманули и денег уже никогда не вернут.

Улучшение жилищных условий и увеличение доходов сопровождалось увеличением потребления и изменением в структуре предметов домашнего обихода. Объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли возрос с 68 млрд. рублей в 1958 г. до 105 млрд. рублей в 1965 г. Особо быстро росла продажа товаров длительного пользования хозяйственного и культурно-бытового назначения. Если в 1960 г. население приобрело 4 млн. радиоприемников, 1,5 млн. телевизоров, около 1 млн. стиральных машин и 0,5 млн. холодильников, то в 1965 г. – соответственно 5,3, 3,3 и 1,5 млн{1567}.

Обеспеченность товарами длительного пользования (в штуках на 1000 человек){1568}
Наименование предметов 1960 г. – 1965 г.

Радиоприемники и радиолы	129 – 165
Телевизоры	22 – 68
Швейные машины	107 – 144
Стиральные машины	13 – 59
Холодильники	10 – 29
Пылесосы	8 – 18

Однако предложение этих товаров продолжало отставать от спроса. Их ассортимент и качество зачастую не соответствовали требованиям покупателей.

Социальная политика на рубеже 50-х и 60-х годов имела сугубо эгалитарную, уравнительную ориентацию. Расширялись возможности рабочих и служащих в области получения образования и медицинской помощи, потребления более ценных продуктов питания и предметов домашнего обихода. То, что прежде составляло привилегии номенклатуры и приближенной к ней культурной и производственной «аристократии», становилось доступным для более широких слоев населения, хотя и не переставало быть дефицитным.

Тенденция к улучшению социальных параметров развития – характерная черта этой исторической полосы. Иллюстрацией к данному тезису может служить устойчивый рост

выживаемости детей. Если в 1953 г. из каждой тысячи родившихся младенцев до двенадцатимесячного возраста не доживали 68, то в 1964 г. – 29. {1569}

Повышался образовательный уровень населения. Если образовательный ценз всего населения страны, в соответствии с переписью 1959 г., можно представить в следующем виде: 40% с начальным и ниже начального образования, 22% с неполным средним, 11% со средним и средним специальным и только 4,4% с высшим и незаконченным высшим, то у молодых людей, родившихся в 30-е годы, это соотношение было уже таким: 35%, 31%, 24% и 10% {1570}.

Эгалитарная социальная политика не могла однозначно соответствовать основным тенденциям развития общества. Принцип сравнительно равного распределения благ входил в противоречие со сравнительно большими потребностями отдельных категорий населения, например, квалифицированных рабочих и интеллигенции. Так что можно согласиться с мнением, что она в какой-то мере препятствовала естественной дифференциации, вызванной углублением разделения труда {1571}. Правда, для более социально значимых групп делались существенные, хотя и негласные исключения. Номенклатурные работники и приравненные к ним научно-технические кадры военно-промышленного комплекса продукты получали в спецраспределителях, лечились в спецполиклиниках и спецбольницах, имели большую квоту на жилище, обучали детей в престижных учебных заведениях, имели возможность совершать частые поездки за границу.

Историческая справедливость была восстановлена в отношении некоторых из репрессированных при Сталине национальностей. Выселенные во время войны преимущественно в Казахстан и Среднюю Азию калмыки, чеченцы и ингуши, балкарцы и карачаевцы смогли вернуться на родные земли и восстановить там свою национально-государственную автономию. Однако такого права по-прежнему оставались лишены поволжские немцы и крымские татары.

Подводя итог всему сказанному в этом параграфе, можно констатировать, что, несмотря на значительные запреты и ограничения, социальная политика Хрущева в целом была нацелена на рост благосостояния населения, то есть ориентирована на человека, добившись в этом направлении немало.